

Л.А. Сергиевская
(г. Рязань)

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Познание сущности явлений есть процесс
их моделирования с помощью предугаданной схемы.*

В.В. Мадер

Языковая модель – это отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания определенной единицы языка. Границы и состав такого минимума устанавливаются по тем типовым свойствам объекта, которые являются *обязательными* выразителями его сущности. Модель языкового объекта – это абстрактная схема его *существенных* признаков. Схема должна быть достаточно проста, не перегружена. Именно простую модель можно анализировать и брать за основу при изучении законов функционирования языковых единиц.

Теория языковой модели получила свое развитие в лингвистических трудах И.И. Ревзина, С.К. Шаумяна, А.Ф. Лосева [1]. Эти ученые предприняли попытку описания совокупности правил построения и функционирования абстрактных схем, обобщения положений, характеризующих моделирование в плане лингвистической методологии. Однако представление общих закономерностей моделирования элементов языка, определение законов существования моделей не привело в полной мере к формированию отдельного учения, научного направления, системы идей. В то же время практический опыт лингвистических исследований конца XX века показывает активное использование и результативность метода моделирования. Так, прочно вошли в лингвистический словарь понятия «словообразовательная модель», «синтаксическая модель», «семантическая модель».

Актуальность обращения к изучению языковых моделей обусловлена состоянием развития современной лингвистики, уровень абстракции которой должен приближаться и приближается к уровню абстракции математики. В.А. Белошапкова, оценивая понятие структурной схемы предложения как новый тип описания формальной организации предложения, отмечает: “Введение понятия структурной схемы предложения отвечало общему стремлению к формализации и моделированию лингвистических объектов, которое свойственно разным направлениям и областям современного языкознания и в котором отражаются запросы века, а также целям практического применения описательного синтаксиса” [2]. А.А. Зиновьев и И.И. Ревзин утверждают: “В лингвистике, как и во всякой другой теоретической науке, всегда будет необходимость в двух разных методиках: одна должна служить описанию конкретного языкового материала во всей его сложности и противоречивости, другая – построению абстрактных моделей, помогающих осмыслить структуру материала, выявить наиболее важное, наиболее существенное” [3]. С этим однозначно согласиться мы не можем. Какая же методика должна служить описанию конкретного языкового материала? Основой любого научного поиска является стремление к систематизации материала, и если свойство конкретного факта противоречит системе, то это проявление речевой реализации (случайное, а не закономерное) и данное свойство следует рассматривать как периферийное или как поправку по отношению к определенной модели.

Универсальность метода моделирования и заключается в возможности построения системы признаков объекта по принципу «от ядра к периферии».

Анализ исследований, посвященных теории языковых моделей, привел нас к выводу, что рассуждения общего и абстрактного характера о типологии моделей, о трудностях их построения методами математической лингвистики, о понятиях семейства и окрестности [4] не дают ясного представления о применении данной теории на практике. Теория, отражающая здравый смысл, может остаться всего лишь фикцией, если не вооружает исследователя инструментом для операции моделирования конкретных фактов языка. Например, И.И. Ревзин, рассматривая трансформационный анализ, приводит два общих условия для отношений трансформации (между фазами), которые трудно соотнести с конкретными синтаксическими закономерностями [5].

Определим понятие языковой модели и перспективы метода моделирования в научном исследовании.

Термин «модель» в современной лингвистике не имеет однозначного толкования. Синонимами «моделей» служат понятия «схема», «тип», «образец», «конструкция», «стереотип», «структура». И каждое из них по-своему отражает сущность дефиниции «модель». Нам представляется, чем развитее наука, тем однозначнее ее терминология и тем меньше синонимии в сфере терминов. Точное, хотя и условно закрепленное, значение того или иного понятия – необходимое условие в процессе научного исследования для достижения основательных результатов. В связи с этим наблюдается стремление дифференцировать понятия «модель», «структурная схема» и «типовой образец», которые наиболее часто в трудах последнего десятилетия употребляются как синонимы. Так, А.Ф. Лосев отмечает, что “всякая модель есть структура, но не всякая структура есть модель” [6] и подчеркивает: “Модель есть структура, перенесенная с одного субстрата на другой и воплощенная в нем реально-жизненно и технически-точно” [7]. Анализируя модели предложений, Т.С. Моница убедительно предлагает следующие основания для разграничения понятий «структурная схема» и «модель»: “Наряду со структурными схемами, выделенными на основании предикативного минимума предложения и содержащими в себе лишь указания на морфологическую характеристику ее компонентов, могут быть выделены и структурные схемы предложения, обладающие номинативным значением и указаниями на типовое лексическое наполнение этих предложений. В отличие от структурных схем первого типа назовем их моделями предложений” [8]. При этом «модель» понимается в узком смысле – как «типовой образец».

Исходя из опыта лингвистической практики, позволим себе утверждать, что «модель» – понятие широкое. Модель – это квинтэссенция языкового элемента, совокупность его типовых признаков. А «структурная схема» и «типовой образец» – это способы выражения модели. Структурная схема содержит категориальную сущность единицы (без лексического наполнения). Для структурной схемы характерны условная символика, употребление терминов, различные уровни абстракции. Типовой образец передает модель в виде конкретного примера (с типичным лексическим наполнением). Для типового образца характерны лаконичность, использование общеупотребительных слов, различные уровни конкретизации и расчет на легкость восприятия.

Таким образом, модель может быть представлена в виде структурной схемы или типового образца. Например, модель безличного предложения: структурная схема – «пассивный объект» + «состояние»; типовой образец – *Мне не спится*; модель сложноподчиненного предложения: структурная схема – «главная часть» + «придаточная часть»; типовой образец – *Он узнал, что приехал отец*; модель производной основы: структурная схема – «префикс» + «корень» + «суффикс»; типовой

образец – *подставка*. В структурной схеме учитывается, какая сторона языкового явления берется за основу: смысловая (семантическая, логическая, коммуникативная), структурная (грамматическая, формальная) или функциональная. Может быть учтен и конкретный тип объекта. В этом случае важно отразить его опорный признак. Так, модели безличных предложений имеют целую систему структурных схем и соответствующих типовых образцов. Такая система представлена, например, в Русской грамматике (1980).

В зависимости от того, какой аспект языкового явления взят за основу, избираются определенные материальные средства реализации модели. В качестве таких средств используются условно-графические схемы, наглядные рисунки, знаки математической логики, лингвистические и логические термины, символика на основе латинских имен. Мы знаем множество структурных схем, ставших традиционными (например, прямоугольники предикативных единиц в сложном предложении), а также индивидуально-авторские изобретения в отдельных исследованиях (например, рисунок в виде концентрических кругов, демонстрирующий ядро и периферию функционально-семантического поля языковой единицы). Здесь, как говорится, нет предела человеческой фантазии и изобретательности.

Из множества различных видов моделей наибольшее распространение получили «словообразовательная модель», «семантическая модель», «синтаксическая модель». Словообразовательная модель предполагает обязательную конкретизацию определенной морфемы: например, существительные со значением лица имеют ряд моделей с суффиксом *-ист-* (самбист, хоккеист, автомобилист). Н.А. Кондрашов, устанавливая продуктивные морфемы, замечает: “Заметные изменения произошли в образовании существительных со значением лица женского пола. В новых социальных условиях женщины получили возможность трудиться в различных областях производства и общественной деятельности. Это отразилось в продуктивности словообразовательных моделей. Наиболее широкое распространение получил суффикс *-к(а)*: ...аспирантка, практикантка, санитарка, спортсменка, чемпионка” [9]. Семантическая модель включает компоненты семантической структуры языкового элемента, а синтаксическая – конструктивные признаки формы. Например, С.В. Чернова, анализируя модальные глаголы, строит семантическую модель в общем виде как «замысел – осуществление замысла», а синтаксическую модель представляет в виде сочетания «глагол + субъектный инфинитив» [10]. Очевидным становится факт, что «модель» в лингвистике приобретает все большую практическую значимость и теоретическую ценность.

Перспективность моделирования заключается в возможности выхода в математическую лингвистику, в программировании, в совершенствовании средств развития науки. Расширяются области применения моделирования: от специальных исследований языковых единиц до процесса обучения русскому языку в школе и вузе (использование различных схем при анализе конкретных фактов).

Развитие типологии языковых моделей приводит к возникновению потребности применения математических методов исследования к явлениям языка. Здесь уместно вспомнить высказывание Леонардо да Винчи, ставшее афоризмом: “Ни одно человеческое исследование не может называться истинной наукой, если оно не прошло через математические доказательства”. На начальном этапе включения методов точных наук в лингвистику мы замечаем использование аксиом и гипотез, проведение мысленного эксперимента [11], обращение к принципу симметрии [12], употребление различного рода трансформаций (в синтаксисе), стремление к интеграции и дифференциации свойств элементов языка, к установлению в языке дискретного и континуального. Например, строится модель падежа существительного с введением на

нее определенных ограничений, изучаются явления переходности и синкретизма, чем доказывается наличие в языке континуальных сфер.

При обращении к методу моделирования необходимо четко представлять себе законы построения модели, необходимые и достаточные условия ее реализации. Во-первых, модель должна иметь структуру, сходную со структурой изучаемого объекта. Во-вторых, модель должна отражать основные принципиальные отношения компонентов, составляющих данный объект. В-третьих, в модели важно отразить сущность именно заданного типа, класса или разряда элементов, то есть указать компонент, являющийся отличительным признаком конкретной единицы.

Понятие языковой модели прочно входит в метаязык современных лингвистических исследований. Стремление ученых моделировать изучаемые объекты отражает здравый смысл любого научного поиска. Корректно построенная модель объекта – свидетельство способности лингвиста выделять главное, абстрагироваться от несущественного, подвести цепочку логических рассуждений к четкой формуле и в конечном итоге – решить лингвистическую проблему на высоком уровне математической логики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962; Ревзин И.И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967; Шаумян С.К. Структурная лингвистика. М., 1965; Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.
2. Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989. С. 634.
3. Зиновьев А.А., Ревзин И.И. Логическая модель как средство научного исследования. // Вопросы философии, 1960, № 1. С. 89.
4. Лосев А.Ф. Указ. раб. С. 190.
5. Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962. С. 145.
6. Лосев А.Ф. Указ. Раб. С. 27.
7. Там же. С. 28.
8. Моница Т.С. Модели односоставных предложений: Структура и семантика. М., 1993. С. 6-7.
9. Кондрашов Н.А. Основные вопросы русского языка. М., 1985. С. 89.
10. Чернова С.В. Модальные глаголы в современном русском языке: Семантическая модель «замысел – осуществление замысла». Киров, 1996. С. 6-17.
11. См.: Щетников А.И. Мысленный эксперимент и рациональная наука. - М.: АО «Аспект Пресс», 1993.
12. См.: Крейдлин Г.Е., Шмелев А.Д. Математика помогает лингвистике. М., 1994. С. 96-97.